

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2713-1033-2023-1-19-27

А. В. Шигуров

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
Саранск, Россия, e-mail: arshigurov@mail.ru

ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассмотрен ряд актуальных проблем запрета определенных действий как новой меры пресечения в российском уголовном процессе.

Первая проблема обусловлена тем, что перечень запретов содержит формулировки, исключающие расширительное толкование, что ограничивает сферу применения данной меры пресечения. Автор предлагает включить в перечень запрет покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда; запрет потребления (распития) алкогольной продукции; запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено преступление.

Вторая проблема связана с отсутствием четких различий между запретом определенных действий и домашним арестом в части ограничения свободы передвижения обвиняемого, подозреваемого. Практика применения обеих мер пресечения допускает наложение одних и тех же запретов: например, ограничение выхода за пределы жилища 3-4 часами в день.

С этой проблемой неразрывно связана и проблема разработки справедливого механизма пересчета дней исполнения данных мер пресечения в срок заключения под стражу и, соответственно, срок лишения свободы, если он будет назначен приговором суда. Автор предлагает дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения. Во-первых, необходимо ввести четкий законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте (за отдельными исключениями). Домашний арест должен обеспечивать изоляцию от общества, за исключением общения с проживающими с обвиняемым лицами, уполномоченными участниками судопроизводства и иными установленными законом лицами. Правила пересчета срока такого домашнего ареста следует сохранить как 2 дня к 1 дню заключения под стражу. Во-вторых, запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения уже должна, как и сегодня, предусматривать возможность гибкого (с учетом складывающейся следственной ситуации, поведения обвиняемого, подозреваемого и других обстоятельств) установления продолжительности его свободного передвижения в общественных местах, в том числе, для покупки продуктов питания. Такая мера пресечения уже должна предусматривать другие

правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Ключевые слова: уголовный процесс, мера пресечения, запрет определенных действий, запрет, жилое помещение, суд, следователь, обвиняемый

A. V. Shigurov

Mid-Volga Institute (branch) of All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Saransk, Russia, e-mail: arshigurov@mail.ru

PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PRACTICE

The article considers a number of topical problems of the prohibition of certain actions as a new measure of restraint in the Russian criminal process.

The first problem is due to the fact that the list of prohibitions is formulated in such wording that they exclude broad interpretation, which limits the scope of this preventive measure. The author proposes to expand the list of prohibitions: to leave the municipality where the accused (suspect) lives without the permission of the interrogating officer, investigator or court; prohibition of consumption (drinking) of alcoholic products; prohibition of the implementation of any activity in which the crime was committed.

The second problem is related to the lack of clear differences between the prohibition of certain actions and house arrest in terms of restricting the freedom of movement of the accused or suspect. The practice of applying both preventive measures allows for the imposition of the same prohibitions.

Inextricably linked with this problem is the problem of developing a fair mechanism for recalculating the days of execution of these preventive measures into the term of detention and, accordingly, the term of imprisonment, if it is appointed by a court verdict. The author proposes to additionally regulate the rules for choosing these preventive measures. Firstly, it is necessary to introduce a clear legislative ban on establishing any walks during house arrest (with certain exceptions). House arrest should ensure isolation from society, with the exception of communication with persons living with the accused, authorized participants in legal proceedings and other persons established by law. The rules for recalculating such house arrest should be retained as 2 days to 1 day of detention. Secondly, the prohibition of certain actions as a milder measure of restraint should already, as it is today, provide for the possibility of flexible (taking into account the emerging investigative situation, the behavior of the accused, the suspect and other circumstances) the duration of his free movement in public places, including to buy food. Such a measure of restraint should already provide for other rules for recalculation: 3 days of prohibition for 1 day of detention.

Keywords: criminal process, measure of restraint, prohibition of certain actions, prohibition, living quarters, court, investigator, accused

Введение

Запрет определенных действий как новая мера пресечения обоснованно привлекает внимание современных исследователей. Интерес к данному институту обоснован, во-первых, новизной его норм. С момента введения запрета определенных действий Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ⁹ прошло лишь чуть более четырех лет.

Во-вторых, данная мера процессуального принуждения показывает высокие темпы роста: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 г. количество вынесенных судами на досудебном производстве постановлений об избрании данной меры пресечения выросло на 39 % по сравнению с 2020 г.: в 2020 г. запрет определенных действий был избран в отношении 1,9 тыс. обвиняемых (подозреваемых), в 2021 г. – 2,6 тыс., первом полугодии 2022 г. – 1,5 тыс., что при сохранении данной динамики на второе полугодие может дать 3 тыс. постановлений в год¹⁰.

В-третьих, запрет определенных действий в абсолютных показателях занимает незначительную долю в общем числе применяемых судами мер пресечения: в 2021 г. – 2,6 % от мер пресечения, требующих принятия судебного решения. Органы предварительного расследования с осторожностью применяют данную меру пресечения, что обусловлено отсутствием эффективного механизма исполнения наложенных судом в рамках данной меры пресечения ограничений, непроработанность полномочий соответствующих должностных лиц. По ряду важных вопросов применения института запрета определенных действий еще не сформировалась единообразная судебная практика [Галыгина, Шигурова, 2016: 3].

Методы

В данном исследовании использованы формально-юридический, исторический и иные методы научного познания.

Результаты

В рамках настоящей статьи мы проведем анализ ряда актуальных проблем, требующих законодательных изменений, а также внесения корректив в судебную практику.

Первая из таких проблем связана с тем, что законодатель закрепил конкретный и исчерпывающий перечень запретов, которые суд вправе по ходатайству следователя, дознавателя наложить на обвиняемого или подозреваемого для предупреждения предусмотренных ст. 97 УПК РФ¹¹ форм общественно вредного поведения. В действующей редакции ч. 6 ст. 105.1 УПК

---

⁹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17. Ст. 2421.

¹⁰ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2022 годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

РФ содержит шесть конкретных запретов, ограничивающих права человека в сфере свободы передвижения, общения, использования средств передачи информации, управления транспортным средством.

Перечень запретов сформулирован в таких формулировках, что они исключают расширительное толкование, что, на наш взгляд, ограничивает сферу применения данной меры пресечения.

Одним из направлений совершенствования запрета определенных действий должно стать расширение перечня запретов, предусмотренных данной мерой пресечения.

Так, например, непонятно почему запрет определенных действий не позволяет запретить покидать муниципальное образование, город, субъект Российской Федерации. Как быть следователю, который видит необходимость одновременно и ограничить свободу покидать жилище на определенное время, и запретить покидать район, в котором проживает и работает обвиняемый?

Считаем, что одним из вариантов законодательного решения данного вопроса могло бы быть включение в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запрета, предусмотренного в п. 1 ч. 1 ст. 102 УПК РФ, но изложенного в правильной формулировке «покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда». Понятие «муниципальное образование» раскрывается в ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹². Заметим, что для приведения ст. 102 УПК РФ в соответствие с существующей практикой применения подписки о невыезде полезно было бы и в ст. 102 УПК РФ использовать вышеуказанную формулировку.

Кроме того, предлагаем дополнить ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретом потребления (распития) алкогольной продукции.

Еще одним запретом, способным расширить сферу применения рассматриваемой меры пресечения, является запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено расследуемое преступление. Из предусмотренных разделом IV УПК РФ мер процессуального принуждения лишь временное отстранение от должности позволяет в определенной степени ограничить свободу профессиональной деятельности обвиняемого, подозреваемого. Однако речь в ст. 114 УПК РФ идет о конкретной должности, которую занимал подозреваемый или обвиняемый. Не все виды деятельности осуществляются с официальным трудоустройством. Приведем несколько примеров.

А) Деятельность с несовершеннолетними может вестись в рамках кружковой работы на безвозмездной основе. Если ведущее такую работу лицо подозревается в преступлениях в отношении несовершеннолетних,

---

¹² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

целесообразно запретить ему до установления обстоятельств расследуемого события работу с несовершеннолетними.

Б) Деятельность по архитектурному проектированию может осуществляться физическим лицом на основе гражданского договора. В период расследования обстоятельств обрушения здания, построенного на основе такого проекта, целесообразно запретить осуществлять такую деятельность.

В обоих вышеуказанных и во многих других случаях запрет на осуществление определенной деятельности, непосредственно связанной с совершенным преступлением, может выступить эффективным средством профилактики расследуемых преступлений. При возникновении затруднений в определении конкретного вида деятельности, играющего роль криминогенного фактора, следователь, дознаватель могут получить консультацию специалиста [Шапиро, 2008a; Шапиро, 2008b].

Вторая проблема связана с отсутствием четких различий между запретом определенных действий и домашним арестом в части ограничения свободы передвижения обвиняемого, подозреваемого. При этом мы должны обратить внимание на фактическое отступление складывающейся практики домашнего ареста от требований закона. В ч. 1 ст. 107 УПК РФ закреплён сущностный признак данной меры процессуального принуждения – изоляция обвиняемого, подозреваемого от общества в жилом помещении, определенном судом. При этом домашний арест как показывает место ст. 107 в гл. 13 УПК РФ рассматривается законодателем как более строгая мера пресечения. Термин «изоляция» однозначно указывает на недопустимость свободного перемещения обвиняемого, подозреваемого в общественных местах, за исключением случаев, предусмотренных законом. Об этом же говорит и ч. 7 ст. 107 УПК РФ, которая исключает одновременно с домашним арестом применение запретов, указанных в п. 1-2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Логика закона понятна и однозначна – никакой возможности выходить в какие-либо периоды времени или в какие-то места при изоляции в жилом помещении не может быть, потому и вводить на них дополнительные ограничения излишне.

Тем не менее, практика пошла по другому пути. Из гуманных соображений и с одобрения вышестоящих инстанций суды в рамках домашнего ареста разрешают прогулки обвиняемым, подозреваемым на 1-4 часа в день. Так, например, Жуковский районный суд Калужской области постановлением от 30 марта 2020 г. в рамках избранного домашнего ареста разрешает обвиняемому Ф. ежедневные прогулки в будние дни с 16 до 19 часов, в выходные дни – с 15 до 17 часов. В дальнейшем срок домашнего ареста с ранее установленными запретами в отношении обвиняемого Ф. неоднократно продлевался. 28 декабря 2020 г. Калужский областной суд, проверяя законность очередного вынесенного судом решения о продлении меры пресечения, не нашел каких-либо нарушений, в том числе в части наложенных запретов¹³.

---

¹³ Апелляционное постановление Калужского областного суда от 28.12.2020 г. по делу № 3/4-1-8/2020 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VjM7cD30E6Yj/>.

Кировский районный суд г. Томска 23 марта 2020 г., продляя в отношении обвиняемого С. срок домашнего ареста, наряду с запретами закрепил и право обвиняемого в период отбывания меры пресечения посещать тренажерный зал по указанному в решении суда адресу в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 ч. Далее при очередном продлении меры пресечения С. получил также право покидать пределы жилого помещения для посещения конкретной детской художественной школы по средам и пятницам с 18 до 22 часов, с уведомлением о каждом посещении контролирующего органа.

Лишь 3 декабря 2020 г. Кировский районный суд г. Томска лишил С. права на такие прогулки. Томский областной суд, рассматривая жалобу защитника на данное решение, признал законность принятого решения. Однако, в мотивировке решения указал: «совершение прогулок при применении меры пресечения в виде домашнего ареста к обязательным условиям домашнего ареста не отнесено»¹⁴. Это свидетельствует о том, что суд не исключает возможности предоставления прогулок при домашнем аресте, но в данном случае с учетом особенностей ситуации возможности для этого отсутствовали.

Возникает вопрос: как разграничить две меры пресечения, в рамках которых можно фактически накладывать одни и те же запреты, в том числе, например, ограничивать свободное передвижение 3-4 часами в день?

Так, например, в рамках запрета определенных действий Энгельсский районный суд Саратовской области установил в отношении обвиняемого Е.Д.Ф. следующий запрет: «выходить за пределы жилого помещения, расположенного по адресу: ..., за исключением выхода для посещения медицинских учреждений, социальной инфраструктуры, прогулок с детьми ежедневно в период с 10.00 до 12.00 часов, необходимости явки к следователю и в суд»¹⁵.

С этой проблемой неразрывно связана и проблема разработки справедливого механизма пересчета дней исполнения данных мер пресечения в срок заключения под стражу и, соответственно, срок лишения свободы, если он будет назначен приговором суда. В настоящее время правила пересчета одинаковые: два дня домашнего ареста и запрета определенных действий приравниваются к одному дню заключения под стражу. Это «равенство» не учитывает разную степень ограничения права на свободу передвижения и явно несправедливо, поскольку в рамках запрета определенных действий обвиняемому, как правило, запрещают покидать жилище в ночное время, что для большинства граждан является несущественным ограничением конституционного права, а могут, как мы показывали выше, запретить весь день покидать жилище, за исключением небольшого времени для прогулки и покупки продуктов питания продолжительностью 1-2 часа. Мы согласны с

---

¹⁴ Апелляционное постановление Томского областного суда от 24.12.2020 г. по делу № 1-59/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/КНрjAUWV3bJ4/>.

¹⁵ Постановление Энгельсского районного суда Саратовской области от 07.08.2018 по делу № 3/12-7/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/show Document.html #id=cbe13c39673b02518e6b125287234186&shard=Производство по материалам&>.

Н. А. Подольным и Д.А. Урявиным [Подольный, 2016; Подольный, Урявин, 2011] в том, что справедливость является одним из важнейших критериев оценки качества судебной деятельности, а решение проблем, связанных с несправедливостью судебных решений, – центральное направление современной уголовно-процессуальной науки.

Позволим себе предложить свой вариант решения вышеуказанных проблем. Учитывая складывающуюся практику, необходимо дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения.

Во-первых, необходимо ввести в четкий законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте (в виде исключения с учетом медицинских требований допустимы прогулки рядом с домом без общения с кем-либо в течение 1 часа в день). Домашний арест должен обеспечивать изоляцию от общества, за исключением общения с проживающими с обвиняемым лицами, уполномоченными участниками судопроизводства и иными установленными законом лицами. Соответственно, применяться эта мера пресечения должна тогда, когда обвиняемый, подозреваемый сможет обеспечить свое существование без выхода из жилого помещения. Правила пересчета срока такого домашнего ареста следует сохранить как 2 дня к 1 дню заключения под стражу.

Во-вторых, запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения уже должна, как и сегодня, предусматривать возможность гибкого (с учетом складывающейся следственной ситуации, поведения обвиняемого, подозреваемого и других обстоятельств) установления продолжительности свободного передвижения в общественных местах, в том числе, для покупки продуктов питания. Такая мера пресечения должна предусматривать другие правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов и предложений.

1) Необходимо расширить перечень запретов, предусмотренных рассматриваемой мерой пресечения, за счет следующих ограничений:

- покидать муниципальное образование, в котором проживает обвиняемый (подозреваемый) без разрешения дознавателя, следователя или суда;
- запрет потребления (распития) алкогольной продукции;
- запрет осуществления какой-либо деятельности, в рамках которой было совершено преступление.

2) Автор предлагает дополнительно регламентировать правила избрания данных мер пресечения, а именно ввести законодательный запрет на установление каких-либо прогулок при домашнем аресте и сохранить действующие правила пересчета срока такого домашнего ареста: 2 дня к 1 дню заключения под стражу. При этом запрет определенных действий как более мягкая мера пресечения предполагает гибкое регулирование продолжительности свободного перемещения подозреваемого, обвиняемого, в общественных местах, поэтому в данном случае рекомендуется использовать иные правила пересчета: 3 дня к 1 дню заключения под стражу.

Список литературы (References)

1. Галыгина Т.Ю., Шигурова Е.И. Домашний арест: проблемы теории и практики применения действующего законодательства // Огарёв-Online. 2016. № 13 (78). С. 3.

Galygina T.Yu., Shigurova E.I. (2016) House arrest: theory and practice of current legislation. *Ogaryov-Online*. No. 13 (78). P. 3. (In Russ.)

2. Подольный Н.А. Справедливость – нравственный стандарт правосудия // Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве: материалы всероссийской научно-практической конференции 20-21 марта 2015 года. СПб.: Изд-во Северо-Западного филиала РГУП, 2016. С. 266-274.

Podolny N.A. (2016) Fairness is the moral standard of justice. *Fairness and equality in criminal proceedings: materials of the All-Russian scientific and practical conference March 20-21, 2015*. St. Petersburg: North Western branch of the Russian State University of Justice Publ. P. 266-274. (In Russ.)

3. Подольный Н.А., Урявин Д.А. Справедливость – критерий правосудности // Российский судья. 2011. № 1. С. 32-35.

Podolny N.A., D.A. Uryavin (2011) Fairness is a criterion of justice. *Russian Judge*. No. 1. P. 32-35. (In Russ.)

4. Шапиро Л.Г. Правовое регулирование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2008. № 6. С. 86-88.

Shapiro L.G. (2008a) Legal regulation of the institute of special knowledge in criminal proceedings: problems and their possible solutions. *Modern Law*. No. 6. P. 86-88. (In Russ.)

5. Шапиро Л.Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... доктора юридических наук. Краснодар, 2008. 51 с.

Shapiro L.G. (2008b) Special knowledge in criminal proceedings and their use in the investigation of crimes in the sphere of economic activity. Dissertation abstract of Doctor of Law. Krasnodar. 51 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шигуров Александр Викторович – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент. Занимается изучением проблем уголовного судопроизводства. Автор более 100 научных и учебно-методических работ.

E-mail: arshigurov@mail.ru

About the author:

Shigurov Alexander Viktorovich – Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), PhD in Law, Associate Professor. Engaged in the study of the problems of criminal justice. Author of more than 100 scientific and educational works.

E-mail: arshigurov@mail.ru

Поступила 08.03.2023; одобрена после рецензирования 04.04.2023; принята к публикации 15.04.2023.